

16 апреля Ленинградский театр под руководством заслуженного артиста республики орденосца С. Э. Радлова показал в Москве премьеру «Ромео и Джульетта», поставленную к 375-летию со дня рождения Шекспира. На снимке: сцена на балконе. Ромео — артист-орденосец Б. А. Смирнов и Джульетта — заслуженная артистка республики Т. Е. Якобсон.

МОСГОРСПРАВКА МОССОВЕТА

Отдел газетных вырезок

Ул. Кирова 26/6

Телефон 36

Вырезка из газеты

ВЕЧЕРНЯЯ МОСКВА

от

19 АПР 39 75

Москва

ШЕКСПИР НА СОВЕТСКОЙ СЦЕНЕ

Сергей РАДЛОВ,
заслуженный артист республи-
ки, орденосец.

НЕТ в мире образов, созданных волею одного человека, которые бы волновали сотни лет многие тысячи людей так, как волнуют образы, рожденные фантазией Шекспира. Тысячи сердец сжимаются, когда слишком поспешный Ромео выпивает яд, не дождавшись пробуждения Джульетты, тысячи рук готовы помешать простодушному, доверчивому Отелло задунить свою жену, тысячи голов склоняются вместе с Гамлетом над черепом Йорика, задумываясь о смерти.

Тайна беспримерного, небывалого обаяния этих вымышленных и в то же время таких живых и осязательно реальных людей — в глубочайшем знании великим драматургом человеческих сердец, в способности поэтически воспринимать их противоречивые свойства. В бурную эпоху роста человеческой личности, переоценки установленных ценностей Шекспир был и борцом, и судьей, и певцом этих борющихся вокруг него людей. Вот почему Шекспир безжалостно обнажает все слабые стороны людей, которых мы вместе с ним уже успели навсегда полюбить, и так бесстрашно изображает ум, находчивость и даже мужество тех, кого мы с ним уже осудили бесповоротно.

В этих вершинах поэтического реализма — какая школа для нашей драматургии, все еще слишком прямолинейной в изображении врагов и друзей!

С каждым днем все больше растет в нашей стране интерес к творчеству Шекспира, с каждым днем становится этот любимец Маркса и Энгельса все более и

более близким для широчайших масс советских зрителей и читателей.

Мы решаемся утверждать, что Шекспир завоеван Советским Союзом. Об этом свидетельствует огромное количество постановок, ежедневно исполняемых во множестве городов нашей великой страны.

Шекспир завоеван советским театром, и Шекспир завоевал советский театр. За последние 5—6 лет он властно вступил на наши сцены, он стал другом и учителем нашего зрителя, он стал учителем и другом наших актеров.

Мне кажется одинаково опасным, одинаково вредным и в сущности лицемерным кичливо переоценивать наши успехи, в частности успехи в освоении Шекспира, и фарисейски прибреживать, делая вид, что нами еще ничего в этой области не достигнуто.

Мне кажется справедливым утверждать, что многое и многое еще предстоит сделать впереди, но что наш опыт, советский опыт воплощения Шекспира на сцене, может быть уже суммирован, собран и учтен, что наш советский опыт исполнения шекспировских ролей и опыт режиссуры в шекспировских спектаклях есть уже теперь наша новая традиция исполнения Шекспира.

В эту традицию включаются и такие хорошие комедийные спектакли, как «Много шума из ничего» в Вахтанговском театре или «Укрощение строптивой» в Центральном театре Красной Армии и в Ростовском театре под руководством Завадского.

В эту традицию включаются постановки и классическое исполнение великих ролей короля Лира народным артистом Михоэлсом, мудрым, тонким, потрясающим создателем этого труднейшего образа, Отелло — народным артистом Остужевым, который мужественно и решительно стал на путь нашего нового понимания Шекспира, отбросив старый и обветшалый перевод Вейнберга, переучив заново огромную роль Отелло, создав образ пламенный, нежный, страстный и незабываемый.

В эту традицию включаются и достижения наших молодых советских мастеров, в том числе и заслуженных артистов Сошальской, Якобсон, Дудникова, Еремеева, Смирнова, играющих в «Гамлете», «Отелло», «Ромео и Джульетте» в театре под моим руководством.

Мне кажется, мы можем уже попытаться определить эту нарождающуюся традицию, пути ее становления, направление ее развития. Мне думается, она лежит в поисках органического слияния великого русского реализма, характерного своей правдивой простотой от Шекспира и до МХАТ, со смелостью, порывом, размахом великой поэзии, без которой немислимо подлинное исполнение подлинного Шекспира.